

СЕРГЕЙ ГРИН

18+
Враг,

которого не было

Личный путь через панику, чужие истины
и собственный исходный код

Боль была настоящей. Враг — нет.

Сергей Грин
Враг, которого не было.
Личный путь через
панику, чужие истины
и собственный исходный код

*<https://litres.ru/74370054>
ISBN 9785007099745*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Несколько лет Сергей Грин искал причину панических атак — у врачей, гипнологов, шаманов, в книгах, ритуалах, на Бали и во Вьетнаме. Каждый ответ ненадолго превращался в новую истину. «Враг, которого не было» — честный и ироничный бортовой журнал о боли, страхе и роли ума во всем этом.

Содержание

СЕРГЕЙ ГРИН	5
Пролог. Исходный код	6
Часть 1. ПЕТЕРБУРГ. Падение системы	8
Глава 1. Инициация	8
Глава 2. Атам в цветочном горшке и Пророк с проспекта Стачек	22
Часть 2. ПЕРЕХОД. Поиск патча	39
Глава 3. Ярмарка чудес и Турецкий гамбит	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Враг, которого не было
Личный путь через
панику, чужие истины и
собственный исходный код**

Сергей Грин

© Сергей Грин, 2026

ISBN 978-5-0070-9974-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЕРГЕЙ ГРИН

Враг, которого не было

Личный путь через панику, чужие истины
и собственный исходный код

Боль была настоящей. Враг — нет.

18+

Пролог. Исходный код

*Некоторые имена и несущественные детали изменены.
Но боль — документальна.*

Нячанг. За окном гудят байки, перекрикиваются торговцы, море за стеклом выглядит почти неподвижным.

Один особенно настойчивый водитель давит на клаксон. Звук пробивает закрытое окно.

Три года назад от такого гудка меня могло скрутить. Сердце сорвалось бы в галоп, ладони стали бы мокрыми, а тело сообщило бы одну новость: мы умираем.

Сейчас это просто байк.

Между этими двумя реакциями уместилась дорога от Петербурга через Турцию и Бали во Вьетнам. Врачи и ведьмы. Ритуальный нож в цветочном горшке. Крипта, ретриты, маски демонов, дыхание и книги, обещавшие окончательный ответ.

Эта книга — не медицинский справочник и не история чудесного исцеления. Это бортовой журнал человека, который отчаянно искал виновника собственной боли. Сначала виноватым было сердце. Потом нервная система. Чужая воля. Город. Люди. Неправильная энергия. Наконец — сам ум.

Каждый новый враг ненадолго придавал хаосу форму.

Я не предлагаю повторять мой маршрут. Некоторые его участки были нелепыми, дорогими или опасными. Я только

наношу их на карту — вместе с тупиками, в которые заходил.

Эта книга описывает личный опыт и не заменяет медицинскую диагностику, лечение или помощь специалиста. Похожие симптомы могут иметь разные причины.

Началось всё в Петербурге.

С двух чашек кофе.

Часть 1. ПЕТЕРБУРГ.

Падение системы

Глава 1. Инициация

Питер — город, который умеет давить небом прямо на лобную кость.

Не тот Питер из путеводителей, с белыми ночами, разведёнными мостами и туристами на фоне соборов. Другой: гигантская серверная под открытым небом, где всегда влажно, холодно и будто бы накапливается статическое напряжение чужих невысказанных мыслей.

Миллионы людей несут свои тревоги по проспектам. Тревоги оседают на граните набережных, въедаются в штукатурку доходных домов, растворяются в свинцовой воде каналов. Возможно, это просто красивое объяснение погоды. Но тогда мне казалось, что сам город живёт на повышенном напряжении — и я вместе с ним.

В то время я жил в режиме оверклокинга.

Разогнанный процессор. Максимальные частоты. Вентиляторы на пределе. Проекты, встречи, созвоны, дедлайны. Днём — работа. Вечером — ещё работа, только с другим освещением. В голове постоянно что-то просчитывалось: где

заработать, кого дожать, что не упустить, какая дверь может открыться следующей.

Своё тело я считал надёжным немецким автомобилем: лей любой бензин, игнорируй техобслуживание, дави на газ — вывезет. Сон можно отложить. Усталость можно залить кофе. Тревогу — работой. Если машина едет, зачем открывать капот?

Вывозило же раньше.

Всё рухнуло без подходящей случаю драмы. Не смерть близкого. Не крах бизнеса. Не предательство.

Две чашки кофе.

Кофейня на Рубинштейна. Кирпичные стены, лампочки Эдисона, мокрый асфальт за окном. Я сидел у окна, листал сообщения и прокручивал привычное: проект горит, клиент нервничает, надо успеть, надо дожать, надо-надо-надо. Люди вокруг разговаривали, официант носил чашки, кофемашина шипела. Ничего не предвещало инициации. Даже музыка была обычной — настолько, что я её не запомнил.

Первая чашка дала обычный разгон. Американо, двойной. Сердце чуть ускорилося, пальцы забегали по экрану быстрее, мысли выстроились в боевой порядок. Рабочий режим.

Вторая была лишней.

Я это знал. Где-то на периферии мелькнуло: «Хватит, ты и так на взводе». Но допил. Просто потому, что чашка стояла передо мной. Потому что её уже приготовили. Потому

что оставлять недопитое казалось нелепым. И потому что остановиться означало признать слабость, а слабость тогда не входила в список доступных функций.

Расплатился. Вышел.

На третьем шаге от двери раздался резкий звук. Может, хлопнула дверь. Может, загудел грузовик. Я не помню.

Сердце сделало что-то странное.

Тук-тук. Пауза.

Долгая, тягучая пауза, в которую поместилась вечность.

А потом оно сорвалось.

Не просто ускорилось. Мне показалось, что кто-то схватил его рукой и теперь сжимает и отпускает в рваном, бешеном ритме.

Мир изменился мгновенно.

Звуки стали гулкими, далёкими, будто улица ушла под воду. Голоса прохожих доносились из пустого ангара. Цвета поблёкли, словно кто-то выкрутил насыщенность монитора в ноль. Питер и так не самый яркий город, а теперь сделался плоским, чёрно-белым и ненастоящим.

Ладони мгновенно стали ледяными и мокрыми. Я посмотрел на них и на секунду не узнал: чьи это руки и почему они такие белые? Рубашка прилипла к спине. Во рту появился вкус меди.

В груди разлился липкий, химический ужас. Не мысль о страхе — сам страх, уже готовый, разлитый по телу. Будто внутрь влили жидкий холод, и он пошёл по сосудам раньше,

чем я успел назвать происходящее.

Ноги стали ватными. Земля качнулась.

Сейчас, когда мне нужно описать происходившее внутри, я представляю небольшой офис.

Наверху сидит Директор — мой рациональный ум. Он любит данные, таблицы и объяснения.

Между ним и телом — Секретарша. Нервная, ответственная, готовая перестраховаться. Это не анатомическая схема и не диагноз. Просто персонаж, который помогает мне рассказывать эту историю.

В тот момент Директор ещё пытался сохранить лицо:

Так. Спокойно. Что происходит? Это инфаркт? Нужны данные.

Но Секретарша уже увидела скачок пульса, холодные руки и мокрую спину. Разбираться она не стала.

Она ударила по красной кнопке.

УГРОЗА ЖИЗНИ. НЕМЕДЛЕННАЯ ЭВАКУАЦИЯ.

Так я позже реконструировал тот момент. В реальности никакого внутреннего совещания, конечно, не было. Было тело, которое внезапно перехватило управление, и ум, не успевавший за ним придумывать объяснения.

Красная кнопка

Как тревожный сигнал сам себя усиливает

Первый сигнал мог быть реальным. Петлю разгоняла история о нём.

Я пошёл.

Не помню куда. Мне казалось: пока двигаюсь, сердце тоже будет двигаться. Стоит остановиться — мотор заглохнет.

Шаг. Ещё шаг. Глотал холодный воздух, но он не насыщал: проваливался в лёгкие и исчезал, как в дыру. Я щупал пульс на запястье. Сто сорок. Сто пятьдесят. Нормально это или много? Раньше я не знал своего пульса. Зачем замечать исправный механизм?

Прохожие смотрели. Или мне казалось. Мужчина в пальто обернулся. Женщина с собакой отступила. Я выглядел умирающим? Сумасшедшим? Наркоманом?

Телефон.

Пальцы дрожали и промахивались мимо кнопок. Я три-

жды пытался набрать 103.

— Скорая. Что случилось?

— Сердце... Бьётся очень быстро. Не могу... воздуха...

— Адрес?

Я не помнил адрес. Жил в этом городе пятнадцать лет и не мог назвать улицу, на которой стоял.

Посмотрел на номер дома, на табличку, на перекрёсток. Буквы были знакомыми, но не складывались в карту. Я назвал что-то диспетчеру — видимо, достаточно точно, потому что мне сказали ждать.

Сел на ступеньки подъезда. Влажный гранит охлаждал сквозь штаны. Обхватил колени, раскачивался и считал удары сердца.

Ждал.

Либо скорую.

Либо смерть.

Что раньше приедет.

Скорая приехала первой.

Жёлто-белая машина с мигалкой. Двое медиков вышли без той скорости, которой я ожидал от людей, приехавших спасти мою жизнь. Позже я понял: они двигались как люди, видевшие слишком много, чтобы каждый раз разделять чужую панику.

Мужчина лет пятидесяти с усталым лицом кивнул в мою сторону:

— Этот?

Я попытался встать. Ноги не держали. Молодая женщина с собранными в хвост волосами подхватила меня под локоть.

— Пойдёмте в машину. Что беспокоит?

— Сердце.

Внутри пахло дезинфекцией и чем-то сладковатым. Горел жёлтый свет. Кушетка была обтянута холодным дерматином. Меня уложили, задрали свитер, прилепили к груди присоски кардиографа.

Фельдшер смотрел на ленту. Я смотрел на его лицо и пытался определить приговор раньше, чем он его произнесёт.

Аппарат пищал и выплёвывал бумагу с зубцами. Моя кардиограмма. Я пытался вспомнить, как выглядит нормальная. Мне казалось, зубцы слишком острые. Или слишком частые. Или слишком — я сам не знал какие.

— На ЭКГ острой патологии не вижу, — сказал фельдшер наконец. — Пульс учащён, давление повышено. Переутомились. Отдохните.

Я не мог соединить эти слова с телом, которое продолжало бить тревогу.

— Но меня трясёт. Сердце выпрыгивает. Воздуха не хватает.

Он был спокоен. Возможно, пытался своим спокойствием показать, что немедленной катастрофы не видит. Я же воспринимал это почти как равнодушие.

В памяти осталось уменьшительное слово — «нервишки». Не ручаюсь, что оно прозвучало именно так: память лю-

бит монтировать реплики под смысл сцены. Но именно это я услышал. Не нервная система, не ужас, перевернувший мою реальность, а какие-то несерьёзные нервишки, которые нужно выпать.

Лежал на кушетке, меня колотило крупной дрожью, зубы выбивали чечётку, а для него это оказался ещё один рабочий вызов.

Меня разозлила сама пропасть между нашими реальностями. В моей — только что закончилась прежняя жизнь. В его — продолжалась обычная смена.

На следующий день я пошёл в поликлинику.

Горчишные стены. Плакат про клеща. Деревянная скамья, отполированная тысячами пациентов. Несколько часов ожидания, за которые я успел мысленно поставить себе инфаркт, инсульт и ещё несколько диагнозов, названий которых не знал.

Невролог — женщина лет шестидесяти, с химической завивкой и очками на цепочке — выслушала меня, посмотрела результаты ЭКГ и написала в карте три буквы. Я помню горчишный кабинет лучше разговора: пятно на лацкане халата, шорох бумаги, её усталое «молодой человек». Мне было тридцать пять, но рядом с настоящими болезнями я, видимо, ещё проходил по категории молодых.

ВСД.

Вегетососудистая дистония.

Для меня это было не объяснение, а ящик, в который

убрали всё непонятное и закрыли крышку. Я услышал не название, а признание: точного ответа сейчас нет.

— И что делать?

Она посмотрела поверх очков:

— Сон, режим, меньше нервничать. Могу выписать успокоительное.

— А дальше?

— Прогулки. Отдых. Наблюдайте.

Я вышел с рецептом, которым не воспользовался, и с названием состояния, которое ничего мне не объяснило. Возможно, врач сказала всё, что могла сказать на том приёме. Но я пришёл за причиной, а получил режим сна.

Потом были обследования, кабинеты и результаты. Они не находили той катастрофы, которую я чувствовал. Это должно было успокаивать, но работало наоборот: если видимой поломки нет, почему мне настолько плохо?

Отсутствие найденной причины не делало ощущения менее настоящими.

До того дня тело было фоном.

Я не думал о дыхании — оно происходило. Не считал пульс — сердце билось. Не проверял, твёрдый ли пол.

После тело стало террористом, с которым я был заперт в одной квартире двадцать четыре часа в сутки.

Нельзя выйти. Нельзя вызвать полицию. Нельзя даже спрятаться в собственной голове, потому что голова сидит в

том же теле.

Жизнь разделилась на «до» и «после».

До — я использовал тело и почти не замечал его. После — каждое ощущение стало сообщением, а каждое сообщение могло оказаться последним. До — сердце выполняло фоновую работу. После — я слушал его, как сапёр слушает тиканье в подозрительной коробке.

Самое унизительное: никто снаружи не видел этой границы. Для города был обычный следующий день. Открылись кафе, люди пошли на работу, машины поехали по мокрым улицам. Только я проснулся в другой реальности.

Было только одно странное окно.

Первые две-три секунды после пробуждения.

Я открывал глаза, видел потолок, свет за шторами — и всё было в порядке. Ни холода в груди, ни проверки пульса, ни ожидания беды.

Потом загружалось.

Не резко. Почти незаметно. Сначала лёгкое эхо на краю сознания. Следом — знакомый холодок. Сердце уже казалось не таким. Мир — уже другим.

Позже я называл эти секунды «чистым бутом»: коротким промежутком до загрузки привычного контекста. Я до сих пор не считаю это доказательством какой-либо теории — только важным личным наблюдением. Тогда же ничего не объяснял. Просто заметил: несколько секунд я ещё не успевал вспомнить, что сегодня нужно бояться тела.

И начинал сканирование:

Как ритм? Ровный? Или опять эти пропуски, провалы, кульбиты?

Как дыхание? Свободное? Или грудь снова сдавило обручем?

Голова не кружится? Пол на месте?

Иногда проверка проходила успешно. Я открывал глаза, вставал и шёл на кухню. Раньше там был кофе. Теперь кофе стал врагом — веществом, с которого, как мне казалось, началась катастрофа.

На его место пришли мелисса и ромашка — напитки беременных женщин и нервных бабушек, как я тогда над собой издевался.

Иногда проверка проваливалась. Ритм казался неровным. Или слишком быстрым. Или — хуже всего — слишком медленным, и тогда я лежал, боясь пошевелиться: вдруг остановится совсем?

В кармане поселился тонометр. Маленький японский та-лисман. Я мерил давление утром, после еды, перед сном, иногда ночью. Цифры успокаивали на минуту.

Потом Секретарша спрашивала:

А вдруг аппарат врёт? А вдруг катастрофа началась уже после измерения?

Рядом лежал блистер назначенного лекарства. Я относился к нему как к аварийному тормозу. Не столько из-за действия, сколько из-за ощущения: хоть что-то ещё находит-

ся в моих руках. Сейчас я не предлагаю никому повторять эту схему — лекарства и их применение должен определять врач. Тогда же сам факт блистера в кармане возвращал мне иллюзию контроля.

Самыми страшными стали звуки.

Звонок телефона — и сердце в горле. Клаксон — и ладони мокрые. Крик ребёнка во дворе — и рубашка прилипает к спине.

Сам звук заканчивался за секунду. Реакция оставалась. Я ещё несколько минут жил в последствиях чужого хлопка дверью или гудка, а потом начинал бояться следующего. Так город превратился в минное поле, где взрывались не события, а мои ожидания.

Я начал избегать улицы.

Не сразу понял, почему именно её. Дома было терпимо. В машине — тоже. В закрытом помещении, в кафе или у друзей, иногда удавалось держаться. Но выйти под открытое небо, оказаться среди людей, стать видимым — и внутренний палец снова зависал над красной кнопкой.

Я не понимал почему. Просто сокращал маршруты. Перестал ездить в метро. Работал из дома. Отменял встречи: а вдруг приступ случится при других? Они увидят, как я хватаю воздух и превращаюсь в жалкое трясущееся существо.

Страх смерти быстро оброс стыдом. Умереть было страшно. Показать слабым перед чужими глазами — почему-то почти так же страшно. Я ещё не видел связи между этими

двумя страхами. Она откроется только в самом конце маршрута.

Так страх начал строить вокруг меня архитектуру.

Сначала я выбирал кафе поближе. Потом — не соглашался на дальние встречи. Потом придумал десяток разумных объяснений, почему лучше созвониться. Никто не запирал дверь снаружи. Я сам понемногу переносил границу безопасной территории всё ближе к кровати.

Мир сжался до квартиры. Внутри периметра — относительный покой. За дверью — непредсказуемость. Любая поездка требовала плана отступления: где сесть, куда выйти, кому позвонить, что делать, если сердце снова решит меня убить.

Директор тем временем писал распоряжения:

Расслабься. Угрозы нет. Это пройдёт.

Секретарша читала их по-своему:

Если он так старается нас успокоить, значит, дела совсем плохи.

И снова тянулась к кнопке.

Тело честно выполняло то, что воспринимало как приказ. Сердце ускорялось. Мышцы сжимались. Внимание искало опасность. Чем тщательнее я проверял, всё ли нормально, тем больше находил поводов проверить ещё раз.

Эта внутренняя канцелярия была только моей попыткой придать происходящему форму. Не анатомическая карта, не универсальная модель психики — мой личный театр, по-

явившийся задним числом. Тогда я ещё не знал, что именно происходит между мыслью, ощущением и реакцией.

Знал другое: привычные инструменты не работали. Врачи не находили ответа, который меня успокоил бы. Логика проигрывала телу.

Когда человек привык всё чинить, а перед ним механизм без инструкции, он начинает искать любую инструкцию.

Даже если она пахнет воском, подвалом и безумием.

Я решил, что меня сглазили.

Сейчас это звучит смешно: взрослый предприниматель, технарь, скептик — и вдруг сглаз. Тогда идея была почти утешительной.

Если существует внешнее воздействие, значит, существует и тот, кто умеет его снять.

Если обычные специалисты не нашли врага, нужны необычные.

Те, кто работает с невидимым.

Я пошёл их искать.

Глава 2. Атам в цветочном горшке и Пророк с проспекта Стачек

Когда врачи не дают ответа, который тебя успокаивает, начинаешь искать другие источники.

У меня это выглядело как базовый алгоритм выживания. Система столкнулась с угрозой, которую не могла классифицировать. Врачи не находили катастрофы, а тело кричало: «Мы умираем». Противоречие сводило Секретаршу с ума ещё сильнее.

Если видимый мир не объясняет боль, значит, объяснение спрятано в невидимом. По крайней мере, именно к такой логике пришёл я.

Логика была железной — в своём безумии. Если железо целое, а система виснет — значит, это вирус. Если вирус не берёт антибиотик — значит, вирус не биологический. Информационный. В простонародье — проклятие, сглаз, подселение. Кто-то или что-то жрёт мою энергию, пьёт мои ресурсы, запустил в мою систему вредоносный код.

Мне нужен был антивирус.

Мне нужен был фаервол.

И я пошёл за покупками.

Начитался «умных» книг. Форумы по практической магии. Телеграм-каналы с названиями типа «Тайное Знание» и «Путь Мага». PDF-файлы сомнительного происхожде-

ния, обещавшие древние техники защиты от энергетических атак.

Там было сказано чётко: чтобы отсечь прошлое, обрубить токсичные привязки и призвать духов-помощников — этих сисадминов с тонкого плана — нужен специальный ритуальный нож.

Атам.

Это не просто ножик хлеб порезать. Это антенна, пульт управления и скальпель для эфирного тела в одном флаконе. Универсальный инструмент для работы с тонкими материями. Маг без атама — как программист без клавиатуры.

Нашёл адрес эзотерического магазина на «Удельной». Полуподвал в старом доме, вход со двора, над дверью — выцветшая вывеска «Врата Истины». Ступеньки вниз, запах сырости и сандала, тусклая лампочка.

Внутри — маленькое помещение, забитое товаром под потолок. Свечи всех цветов и размеров. Благовония в пачках. Десятки разных колод Таро. Кристаллы в корзинках, как картошка на рынке. Книжки с золотым тиснением и названиями вроде «Практическая демонология» и «Руководство по астральным путешествиям». На стене — плакат с чакрами, рядом — православная икона. Магический супермаркет: любая традиция, лишь бы оплата прошла.

За прилавком сидела женщина лет пятидесяти. Крашеные волосы, много серебряных колец, глаза, подведённые чёрным. Читала что-то на планшете — кажется, обычную

ленту новостей — и подняла взгляд, когда я вошёл.

— Добрый день. Ищете что-то конкретное?

— Атам.

Она не удивилась. Видимо, слово было из её профессионального словаря.

— Вон там, на витрине. Есть попроще, есть посерьёзнее.

Витрина была стеклянной, с подсветкой. Внутри лежали ножи — от маленьких, почти игрушечных, до внушительных тесаков. Чёрные рукояти, серебряные, деревянные. Лезвия прямые и изогнутые. Цены — от полутора до пятнадцати тысяч.

— Для чего вам? — спросила продавщица. — Для ритуалов? Для защиты? Для работы с духами?

Хотел сказать «для всего», но это прозвучало бы глупо.

— Для защиты. И для... отсечения связей.

Она кивнула, как будто это был совершенно нормальный запрос. Как будто каждый день к ней приходили люди отсекать связи.

— Тогда вот этот. Классическая форма, двустороннее лезвие. Рукоять из чёрного дерева. Хорошо держит заряд.

Достала нож из витрины и протянула мне. Он лёг в ладонь неожиданно удобно. Хищное лезвие, сантиметров пятнадцать. Тяжёлый, холодный.

— Четыре тысячи восемьсот.

Купил не торгуясь. Она завернула нож в чёрную ткань, положила в бумажный пакет.

— Инструкция нужна?

— Инструкция?

— Как активировать. Как заряжать.

Протянула мне сложенный вчетверо листок. Ксерокопия, текст мелкий, с орфографическими ошибками.

— Главное — закопать на сутки в землю. В безлюдном месте. Это первичная инициация. Потом уже можно работать.

Вышел из подвала с пакетом в руках. На улице шёл дождь — мелкий, питерский, безнадёжный. Стоял под козырьком и думал о том, что только что купил ритуальный нож по инструкции из интернета. Ещё месяц назад я бы долго смеялся над человеком, который сделал нечто подобное.

Но в груди было что-то похожее на надежду. Впервые за недели.

Ночь. Парк на окраине Кировского района. Октябрь, минус два, земля ещё не замёрзла, но уже схватилась корочкой.

Шёл по аллее, озираясь, как маньяк, прячущий улики. В рюкзаке — атам, завернутый в ту же чёрную ткань. В кармане — фонарик. В голове — торжественность момента.

Фонари горели через три — администрация сэкономила на электричестве. Между световыми пятнами — густая темнота. Где-то хрустнула ветка. Замер. Сердце — тут же в горло. Секретарша потянулась к кнопке.

Спокойно. Это просто парк. Просто ветка. Просто ветер. Заставил себя идти дальше.

Старый дуб стоял в глубине, в стороне от аллеи. Читал,

что дуб — хорошее дерево для таких целей. Сильное. Заземлённое. Связь с корнями, с предками, с архетипами.

Встал на колени у корней. Земля была влажной, холодной — колени тут же промокли. Достал атам, развернул. Лезвие блеснуло в свете далёкого фонаря.

Копать пришлось руками — не додумался взять лопатку. Земля забивалась под ногти, пальцы быстро онемели от холода. Вырыл ямку сантиметров двадцать глубиной. Положил туда нож. Засыпал.

Встал. Грязные руки, грязные колени. Вокруг — темнота и тишина. Только где-то вдалеке — вой сирены. Питер.

Прочитал заклинание. Нашёл его на форуме, записал в заметки телефона. Что-то про «силы земли» и «принятие дара». Слова казались нелепыми, произнесённые вслух в пустом парке, но проговорил их до конца. Три раза, как было указано.

Потом постоял ещё минуту. Ждал чего-то — знака, ощущения, вспышки. Ничего. Только холод, сырость и далёкая сирена.

Пошёл домой, чувствуя себя Доктором Стрэнджем. Или, по крайней мере, кем-то, кто делает что-то важное. Что-то, что изменит ситуацию.

Через сутки вернусь и заберу заряженный артефакт. Мой Экскалибур. Мой ключ к победе над демонами.

Прошли сутки.

Вернулся к дубу. Сердце билось в предвкушении — но не

паническом, а другом. Хорошем. Впервые за долгое время чего-то ждал с надеждой, а не со страхом.

День был серым, но сухим. Нашёл дерево без труда — запомнил ориентиры. Встал на колени у корней. Начал копать.

Земля летела во все стороны. Пальцы снова онемели. Ямка становилась глубже — двадцать сантиметров, тридцать, сорок.

Атама не было.

Расширил радиус. Может, ошибся местом? Может, чуть левее? Чуть правее? Рыл руками, потом нашёл палку и рыл палкой, потом снова руками. Перекопал корни бедного дуба так, словно искал клад капитана Флинта.

Пусто.

Мой великий артефакт. Моя надежда на спасение. Мой ключ к миру духов. Четыре тысячи восемьсот рублей.

Просто спёрли.

Сел на землю. Грязный, мокрый, с чёрными руками. Смотрел на раскопанные корни дуба и пытался понять, что произошло. Надежда стоимостью четыре тысячи восемьсот рублей исчезла за одну ночь.

Кто? Бомж, который обходил парк в поисках ценностей? Собака, которая учуяла свежую землю и раскопала? Дворник? Подросток-гопник?

Или — мелькнула безумная мысль — сами Духи Земли решили, что нож им нужнее, чем какому-то невротичу?

Представил эту картину: древние сущности, живущие в

корнях старого дуба, смотрят на мой жалкий ритуал и качают головами. «Этот? Серьёзно? Он даже заклинание с ошибками прочитал. Забираем нож себе. Нечего тут».

И начал смеяться.

Сначала тихо, потом громче. Истерический смех, который накатывает, когда уже всё равно. Когда дно пробито и ты падаешь дальше, и единственное, что остаётся — смеяться над абсурдом.

Сидел грязный, посреди парка, в окружении куч земли, и хохотал так, что слёзы текли по щекам.

Мимо прошла женщина с собакой. Ускорила шаг, не глядя в мою сторону. Собака — какой-то мелкий терьер — залаяла на меня. Женщина дёрнула поводок и почти побежала.

Смеялся, пока не заболели рёбра.

Это был провал. Полный, абсолютный провал. Вселенная не просто молчала — она троллила меня.

Но человека, который каждое утро проверяет, не умрёт ли сегодня, так просто не сломить.

Страх — отличный мотиватор. Когда каждый день начинается с мысли «а вдруг сегодня я умру», ты готов на многое. На любую глупость. На любое унижение. Лишь бы это прекратилось.

Пошёл и купил второй атам.

В том же магазине. Та же продавщица. Она посмотрела на меня с лёгким удивлением — или мне показалось.

— Ещё один?

— Первый... утерян.

Кивнула. Не стала спрашивать подробности. Видимо, в её практике бывало и не такое.

— Тот же?

— Да.

Снова чёрная ткань. Снова бумажный пакет. Снова четыре тысячи восемьсот.

Но теперь я стал умнее.

Доверия к «дикой природе» больше не было. Питерские парки оказались ненадёжными хранителями сакральных артефактов. Слишком много бомжей. Слишком много собак. Слишком мало уважения к ритуальным практикам.

Принёс нож домой. Осмотрелся. Мне нужна была земля. Настоящая, живая земля, в которой нож мог бы «зарядиться энергией».

На подоконнике стоял фикус.

Старый, запущенный фикус в большом керамическом горшке. Остался от предыдущих жильцов. Я его почти не поливал, но он как-то выживал — упорное растение, привыкшее к невзгодам питерских квартир.

Посмотрел на фикус. Фикус безмолвно смотрел на меня.

— Прости, брат, — сказал вслух. — Придётся потесниться.

Взял кухонный нож и начал рыть землю в горшке. Фикус покачивался, корни оголялись. Вырыл ямку — насколько позволял размер горшка — и торжественно опустил туда

атам.

Засыпал землёй. Примял. Полил водой — так, на всякий случай.

Это было жалкое и одновременно величественное зрелище. Великий Маг, Повелитель Духов, Укротитель Тьмы боялся дворовых собак, поэтому проводил инициацию артефакта в цветочном горшке на кухне.

Стоял над фикусом и думал: вот оно, дно. Ниже падать некуда.

Но я ошибался. Дно было ещё впереди.

Параллельно с магическими опытами менялась моя картина мира.

Представьте нейросеть, которая учится распознавать образы. Сначала она видит набор пикселей, хаотичный шум. Потом начинает различать паттерны. Вот это — кошка. Вот это — собака. Вот это — лицо.

Моя внутренняя нейросеть, накачанная страхом и мистикой, обучалась на специфическом датасете. И начала везде видеть Знаки.

Случайное совпадение? Нет такого слова. Это синхрония. Послание вселенной.

Станный сон? Это не просто сон. Это видение. Пророчество. Надо разобрать по символам.

Незнакомый человек посмотрел на улице? Он что-то знает. Может, он тоже из «наших». Может, он пытается что-то сказать.

Мир превращался в гигантский ребус, где всё имело значение. Где каждая деталь была частью скрытого послания. Где за видимой реальностью пряталась другая — настоящая, тайная, доступная только посвящённым.

И я учился её читать.

Жил тогда в Кировском районе.

Место суровое, пролетарское, построенное в тридцатые для рабочих «Кировского завода». Сталинские дома-монстры, широкие проспекты, монументальная архитектура, в которой человек чувствует себя муравьём.

Центром района была площадь с администрацией — гигантское здание в стиле сталинского ампира, серое, давящее. Над ним возвышались скульптуры: огромные Серп и Молот, каждый метров по пятнадцать. Символы труда. Символы эпохи. Ржавые, облупленные, но всё ещё грозные.

Рядом проспект Стачек делал странный, неестественный изгиб. Все питерские проспекты — прямые, как линейка. Это город, построенный по регулярному плану. А тут — вдруг излом, будто дорога обходит что-то невидимое. Змится.

Место казалось «битым». От соседей я слышал, что там часто случались аварии. Что-то с разметкой? С освещением? С видимостью? Никто толком не объяснял, но предупреждение повторялось: на том повороте надо быть осторожнее.

И вот там я стал встречать Его.

Впервые увидел его в ноябре.

Шёл мимо администрации — срезал путь к метро. Серое утро, мелкий дождь, люди спешат на работу с поднятыми воротниками и опущенными головами.

И он.

Стоял на площади, напротив здания, лицом к Серпу и Молоту. Не двигался. Просто стоял и смотрел вверх, на эти ржавые символы.

Человек, которого я в первую секунду записал в городские сумасшедшие.

Спутанные волосы — серые, грязные, торчащие во все стороны. Борода — такая же. Одежда, которая помнила Брежнева: старый ватник, кирзовые сапоги, какой-то бесформенный свитер под ватником. Лицо обветренное, красное, с сеткой лопнувших сосудов.

Глаза — вот что запомнилось. Глаза были не мутные, не пустые. Они горели. В них было что-то — одержимость? вера? безумие? Грань между этими вещами тоньше, чем кажется.

Раньше я бы прошёл мимо, брезгливо отвернувшись. Подумаешь, псих. Мало ли их в Питере. На каждой станции метро по такому. Часть городского пейзажа, как голуби и граффити.

Но теперь остановился.

Смотрел на него, а он смотрел на Серп и Молот. И что-то шептал. Губы шевелились, но слов не слышал — слишком далеко.

Потом он поднял руки. Медленно, торжественно. Развёл их в стороны. И начал... работать.

Размахивал руками, будто дирижировал невидимым оркестром. Шептал — громче, я уже слышал отдельные звуки, но не слова. Какой-то язык? Молитва? Заклинание? Кланялся — глубоко, до земли, потом выпрямлялся и снова размахивал.

Прохожие обходили его по дуге. Кто-то крутил пальцем у виска. Мамаша с коляской перешла на другую сторону площади. Полицейский у входа в администрацию лениво смотрел, но не вмешивался — видимо, привык.

А я стоял и смотрел.

Я ничего о нём не знал: ни имени, ни истории, ни того, где он жил и почему приходил на площадь. Пустое место мгновенно заполнила моя фантазия.

«А что, если он не больной? Что, если он — единственный, кто видит реальность?»

Моя воспалённая фантазия — Секретарша в режиме полной паранойи — тут же дорисовала картину.

Эта дорога, этот изгиб проспекта Стачек — это не просто неудачное градостроительное решение. Это геопатогенный разлом. Трещина в ткани реальности. Место, где тонкие миры просачиваются в наш мир.

Серп и Молот над администрацией — это не просто советские символы труда. Это оккультные сгиллы. Знаки, начертанные теми, кто знал. Сталин — он же не просто тиран,

он был посвящённый. Учился в семинарии. Знал силу символов. Эти гигантские металлические фигуры — не украшение. Это якоря, удерживающие мощный красный эгрегор. Маятник, который до сих пор качается, хотя Союза давно нет. Который до сих пор питается энергией миллионов людей, проходящих мимо каждый день.

А этот мужик — не бездомный. Не псих. Не городской сумасшедший.

Он — Хранитель.

Он видит то, чего не видят другие. Видит, как из разлома лезут сущности. Как эгрегор пульсирует, требуя жертв. Как тонкие щупальца невидимого тянутся к прохожим, присасываются, пьют.

И он — держит оборону.

Каждый день. Каждое утро. В любую погоду. Выходит на свой пост и ведёт бой с невидимыми демонами. Один против армии. Без благодарности, без признания, под насмешливыми взглядами тех, кого он защищает.

Герой, которого никто не понимает.

Стал приходить туда специально.

Не каждый день — но часто. Выходил раньше, делал крюк. Чтобы увидеть его. Чтобы посмотреть, как он работает.

Он приходил всегда в одно время — около девяти утра. Вставал на своё место. И начинал.

Иногда он кричал. Не слова — звуки. Утробные, низкие,

будто рычание. Или высокие, пронзительные, как крик чайки. Люди шарахались. Я — нет.

Иногда он танцевал. Станный танец, без музыки, без ритма — или с ритмом, который слышал только он. Топтался на месте, вращался, вскидывал руки к небу.

Иногда он плакал. Стоял неподвижно, и слёзы текли по красным щекам, и он не вытирал их.

Смотрел на него не с жалостью. С профессиональным интересом. Почти с завистью.

«Брат, — думал я. — Я тебя понимаю. Ты борешься с демонами снаружи. А я — с демонами внутри. Мы с тобой одной крови. Оба видим то, чего не видят другие. Оба кажемся безумцами тем, кто спит».

Однажды он посмотрел на меня.

Стоял в стороне, как обычно. Наблюдал. И вдруг он повернулся — резко, будто услышал что-то — и уставился прямо на меня.

Его глаза. Горящие, безумные, живые. Смотрел секунду, две, три. Потом — улыбнулся. Широкой, щербатой улыбкой. И кивнул. Будто узнал. Будто приветствовал коллегу.

Кивнул в ответ.

И пошёл дальше, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Грань стиралась.

Понимал это где-то на периферии сознания. Тем маленьким, ещё живым кусочком Директора, который не сдался Секретарше.

Закапывал ножи в цветочные горшки. Читал заклинания с форумов. Видел Знаки в геометрии дорог. Считал городского сумасшедшего тайным воином света. И каждое утро просыпался с мыслью, что мир — ненастоящий, что за видимым прячется невидимое, что нужно только подобрать ключ, найти код, взломать матрицу.

Ещё пара месяцев такой жизни — и встану рядом с ним.

Буду вторым Хранителем проспекта Стачек.

Буду танцевать свой танец под Серпом и Молотом. Буду кричать и плакать. Буду сражаться с демонами, которых вижу только я.

И прохожие будут обходить меня по дуге, крутя пальцем у виска.

Магия затягивала.

Ритуалы давали кратковременное облегчение: «Я что-то делаю. Я контролирую ситуацию». Каждое новое заклинание, каждая практика, каждый артефакт становились надеждой. Может, вот это сработает. Может, вот это — тот самый ключ.

Но симптомы никуда не уходили.

Наоборот. Чем больше я погружался в «тонкие миры», тем тоньше становилась связь с реальностью. Пытался призвать духов-помощников — но вместо них приходили новые панические атаки. Рисовал защитные символы на дверях — но страх просачивался сквозь любые символы. Медитировал на пламя свечи — но пламя дрожало, и моё сердце дрожало

вместе с ним.

Секретарша не успокаивалась. Она просто получила новый язык для своей истерики. Раньше она кричала: «Мы умираем от инфаркта!» Теперь: «На нас напали демоны! Нас прокляли! Мы под атакой!»

Результат был тот же. Холодные руки. Мокрая спина. Сердце в горле. Мир, плывущий и ненастоящий.

Только теперь к физическому страху добавился метафизический. Раньше боялся умереть. Теперь боялся, что даже после смерти это не закончится — что демоны будут преследовать и там.

Отличный апгрейд, нечего сказать.

Поворотный момент случился ночью.

Проснулся от очередной панической атаки — они часто приходили под утро, когда я чувствовал себя максимально беззащитным. Сердце колотилось, дыхание сбилось, в темноте комнаты что-то шевелилось — или казалось?

Включил свет. Встал. Прошёл на кухню — мимо фикуса с закопанным атамом, мимо свечей и благовоний, мимо книг по магии, разбросанных на столе.

Налил воды. Руки тряслись, вода плескалась.

И вдруг увидел себя со стороны.

Мужик тридцати пяти лет. Предприниматель. Технарь. Рационалист — бывший рационалист. Стоит на кухне в четыре утра, трясущимися руками держит стакан, а рядом — горшок с фикусом, в котором закопан ритуальный нож для

отсечения астральных привязок.

И где-то в голове — чужой голос, который шепчет про демонов, про эгрегоры, про Хранителя с проспекта Стачек.

Это был момент ясности. Короткий, как вспышка. Директор на секунду перехватил управление и посмотрел на происходящее трезвым взглядом.

«Ты же понимаешь, — сказал он, — что это не работает. Ты понимаешь, что не лечишь систему, а добавляешь новые баги. Ты понимаешь, что ещё немного — и ты реально поедешь крышей. Не метафорически. Буквально».

Поставил стакан. Посмотрел на фикус.

Мне нужно было что-то другое. Не безопасное, не обязательно правильное — просто другое.

Не вера — а знание. Не молитва — а код. Не ритуалы, которые работают «потому что так написано в книге», а понимание механизма. Как устроена система. Где сбой. Как чинить.

Мне нужен был кто-то, кто не закапывает ножи и не размахивает руками перед советскими символами. Кто-то, кто понимает архитектуру сознания. Кто видит протоколы, а не духов.

И тогда — будто в ответ на этот запрос — на горизонте появился Человек.

Человек, который не прятал артефакты в цветочных горшках.

Который просто щёлкал пальцами и говорил: «Спать».

Часть 2. ПЕРЕХОД. Поиск патча

Глава 3. Ярмарка чудес и Турецкий гамбит

Эзотерический Питер засасывал, как болото.

Медленно. Тепло. Незаметно. Делаешь шаг — и проваливаешься по щиколотку. Ещё шаг — по колено. Оглядываешься — а берега уже не видно. Вокруг только туман, запах тины и голоса, которые зовут тебя глубже.

Я стал завсегдатаем мероприятия с громким названием — что-то вроде «Косого Переулка». Питерский аналог волшебного места из книг про мальчика со шрамом, только вместо палочек здесь продавали «заряженные» кристаллы, а вместо сов — карты Таро.

Огромный выставочный комплекс на окраине города. Бывший промышленный ангар, переделанный в храм альтернативного знания. Внутри — сотни клетушек, разделённых тонкими перегородками. Лабиринт, в котором легко заблудиться. И в прямом смысле, и в переносном.

Я помню первый раз.

Вход — через турникет, как в метро. Билет стоил триста рублей. На запястье — бумажный браслет, как в аквапарке.

«Добро пожаловать в мир возможностей!» — гласила надпись на стенде.

Внутри пахло благовониями. Не одним — сотней разных, и все они смешивались в густой, сладковатый туман, от которого слегка кружилась голова. Сандал, пачули, ладан, что-то цветочное, что-то горелое. Обонятельная какофония.

Слева — женщина в цыганском платье гадала на кофейной гуще. Клиентка — офисного вида дама в деловом костюме — напряжённо вглядывалась в коричневую жижу на дне чашки, будто там были биржевые котировки.

Справа — бородатый мужик продавал кристаллы. Аметисты, розовые кварцы, какие-то чёрные камни с непроизносимыми названиями. «Этот — для защиты. Этот — для любви. Этот — для денег. А вот этот, — он понизил голос, — для связи с высшими сущностями. Но это не всем».

В центре прохода кто-то бил в бубен. Ритмично, монотонно. Вокруг него стояли люди с закрытыми глазами и покачивались. Шаманское путешествие. Групповой сеанс. Изгнание злых духов оптом — дешевле, чем в розницу.

Дальше — стенд с «биорезонансной диагностикой». Аппарат, похожий на допотопный осциллограф, провода, датчики. «Мы определим все ваши проблемы на клеточном уровне!» Очередь из пяти человек.

Ещё дальше — «регрессивный гипноз в прошлые жизни». «Узнайте, кем вы были! Найдите корень своих проблем в кармических узлах!» Женщина на плакате улыбалась с вы-

ражением человека, который точно знает, что вы были египетским жрецом.

Я бродил между рядами, как потерянный турист на восточном базаре. У меня был бизнес — у них были услуги. Простые рыночные отношения. Я платил — они «меняли мою парадигму». Или обещали поменять.

За следующие месяцы я перепробовал половину этого ассортимента.

Гадание на Таро. Женщина с усталыми глазами раскладывала карты и говорила общие фразы, которые подходили кому угодно. «Вы сейчас на перепутье. Вам нужно сделать выбор. Впереди — испытания, но и возможности». Я кивал, платил полторы тысячи и уходил с тем же, с чем пришёл.

«Снятие порчи». Полная женщина в чёрном водила над моей головой свечой и что-то шептала. Воск капал в миску с водой. «Вижу, вижу... На вас сильное воздействие. Кто-то из близких. Женщина. Завистливая». Я пытался вспомнить завистливых женщин в своём окружении. Не вспомнил. Заплатил пять тысяч.

«Диагностика ауры». Меня фотографировали специальной камерой, которая якобы улавливала энергетическое поле. На экране — моя фигура, окружённая цветными пятнами. «Вот, видите — красное. Это блок в корневой чакре. Отсюда все ваши проблемы. Нужна чистка». Чистка стоила десять тысяч. Я согласился.

Ездил на кладбища с «потомственными ведьмами». Да,

именно так — ведьмы приезжали на кладбище на метро, а потом пересаживались на маршрутку. Видимо, мётлы застряли в пробках. На кладбище мы ходили между могилами, ведьма шептала имена и даты, я стоял рядом и чувствовал себя идиотом. Но платил. И надеялся.

Я искренне пытался верить. Заставлял себя верить. Потому что альтернатива — признать, что ничего не работает, что я один на один со своим ужасом, что никакой магии нет, — была невыносима.

И каждый раз сценарий повторялся.

Ритуал. Какой угодно — со свечами, с картами, с бубном, с кристаллами. Неважно.

Вспышка надежды. Двадцать минут, иногда полчаса блаженного спокойствия. Тело расслаблялось, дыхание выравнивалось, и казалось: «Всё. Наконец-то. Отпустило. Я чист. Я свободен. Это было оно — та самая практика, тот самый мастер, тот самый ключ».

А потом — уже в метро, уже в машине, уже дома — предательская дрожь в солнечном сплетении возвращалась. Сначала лёгкая, как далёкий гром. Потом сильнее. И вот уже знакомый холод ползёт по позвоночнику, и сердце начинает частить, и ладони становятся влажными.

Тело, как упрямое животное, стряхивало с себя магию. Игнорировало новые амулеты на шее. Не замечало защитных символов, нарисованных на запястье. Снова включало фоновый режим тревоги — будто ничего не было.

Секретарша возвращалась к пульту. Палец — на красной кнопке. Глаза — безумные, бегающие. «Ты думал, избавился от меня? Ха. Я — часть системы. Меня нельзя удалить. Меня можно только перепрограммировать. А ты даже не знаешь, на каком языке я написана».

И вот посреди этого карнавала — в один из бесчисленных визитов на ярмарку — я увидел его.

Угловой стенд, ближе к выходу. Никаких кристаллов, никаких свечей, никаких плакатов с чакрами. Простой баннер: «Эриксоновский гипноз. Демонстрация и консультации». И мужчина лет сорока пяти — обычный, в джинсах и рубашке, без бороды, без колец, без «магического» взгляда.

Вокруг него собралась небольшая толпа. Человек двадцать. Я подошёл, встал с краю.

На сцене — вернее, на небольшом возвышении — стоял доброволец. Крепкий мужчина, явно из скептиков: руки скрещены на груди, выражение лица — «ну давай, удиви меня». Типаж «меня не загипнотизируешь, я слишком умный».

Гипнолог что-то тихо говорил ему. Я не слышал слов — стоял далеко. Только видел, как он жестикулирует: мягко, плавно, будто дирижирует чем-то невидимым. Его руки двигались медленно, гипнотически.

Прошла минута. Может, две.

Скептик изменился. Руки опустились. Плечи расслабились. Глаза — сначала настороженные — стали пустыми, расфокусированными. Он смотрел куда-то сквозь гипноло-

га, в точку, которой не существовало.

Потом гипнолог что-то сказал — и мужчина лёг. Просто лёг — затылком на один стул, пятками на другой. Тело между стульями — горизонтально, без опоры. И не прогнулось. Не провисло. Оставалось прямым, как доска.

Как стальная балка.

Гипнолог спокойно — буднично, без драматизма — встал ему на живот. Встал и постоял. Секунд десять. Насколько я мог видеть из толпы, мужчина под ним даже не дрогнул.

Толпа ахнула. Кто-то зааплодировал. Я стоял с открытым ртом.

— Каталептический мост, — сухо прокомментировал гипнолог, спрыгивая на пол. — Ничего сверхъестественного. Ресурсы тела безграничны. Нужно только отключить программные ограничители в голове.

Он щёлкнул пальцами. Мужчина на стульях вздрогнул, открыл глаза, сел. Озирался с видом человека, который не понимает, что произошло и почему все на него смотрят.

Я подошёл к гипнологу после выступления.

Очередь рассосалась — большинство зрителей разошлись по другим стендам, обсуждая увиденное. Он сидел за складным столиком, пил воду из пластиковой бутылки.

— Можно вопрос?

Он поднял взгляд. Глаза — внимательные, цепкие, но без того «пронзительного» эффекта, который культивировали местные маги. Просто умные глаза уставшего человека.

— Давай.

— То, что вы делали... Это магия?

Он усмехнулся. Не снисходительно — скорее, как человек, который слышал этот вопрос сотни раз.

— Это механика.

— В смысле?

Он отставил бутылку. Посмотрел на меня оценивающе.

— Ты кто по профессии?

— Маркетолог. Ну и немного программист.

— Отлично. Тогда поймёшь. — Он достал из сумки блокнот и ручку. — Сядь.

Я сел на пластиковый стул напротив него. Вокруг гудела ярмарка — бубны, голоса, музыка из динамиков — но мы будто оказались в пузыре тишины.

— Ты смотришь на человека как на монолит, — сказал он, рисуя что-то в блокноте. — Как на единую систему. «Я» — и всё. Одна сущность, один контроль. Да?

— Ну... да. А как иначе?

— А иначе — так. — Он развернул блокнот ко мне. На листе была схема: три круга, соединённые линиями, и один прямоугольник посередине. — Внутри тебя — сложная архитектура. Минимум три модуля. И посредник между ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.